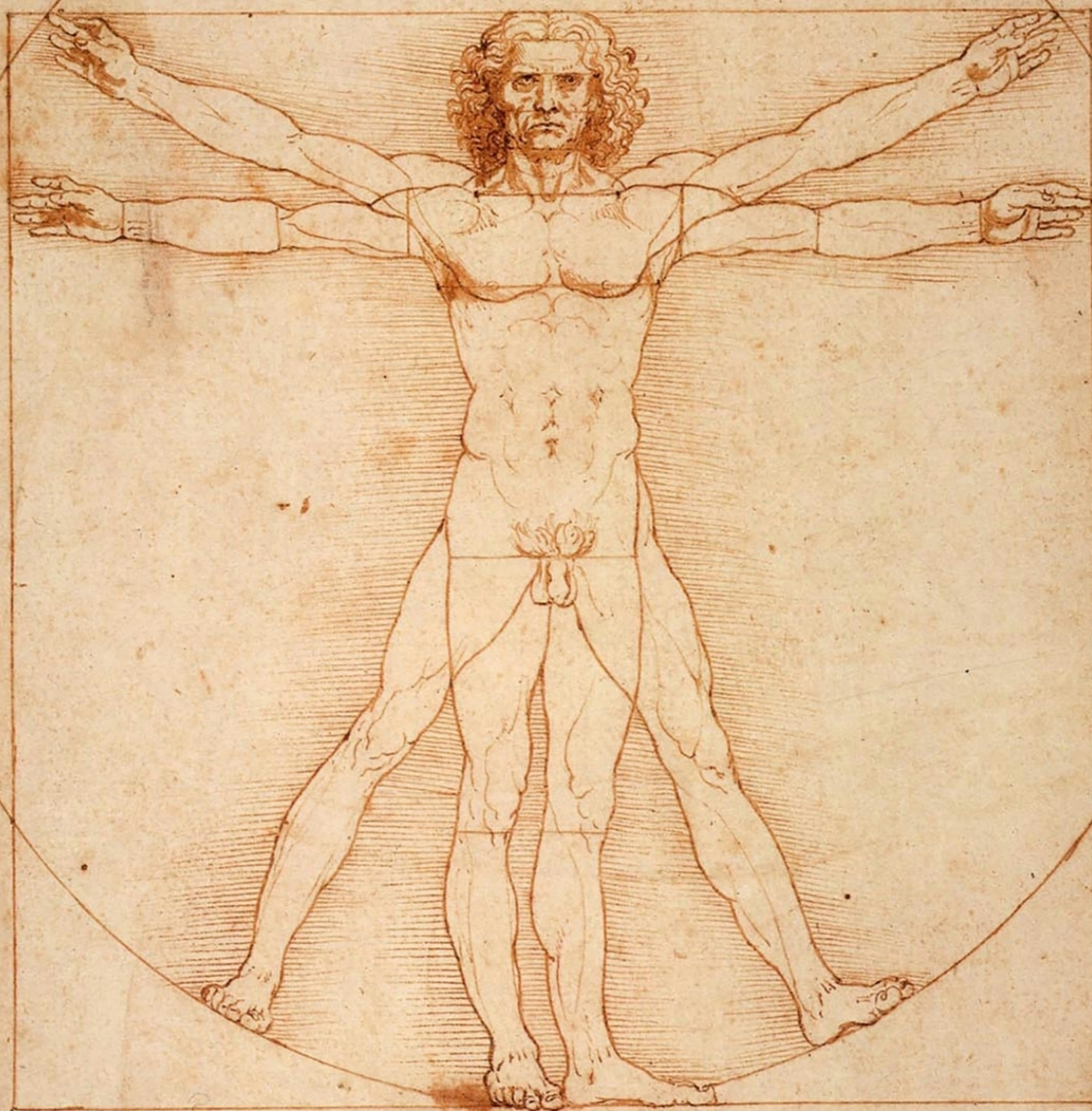

Владимир Бровко

Былинные богатыри: мифы и правда Т.2

16+

Владимир Бровко

**Былинные богатыри:
мифы и правда. Т. 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бровко В. П.

Былинные богатыри: мифы и правда. Т. 2 / В. П. Бровко —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Данная книга является продолжением работы "Былинные Богатыри - МИФЫ и Правда", и в ней исследуются "биографии" и деяния следующих русских богатырей: Михайла Казарянина, Михайла Даниловича, Ивана Гостиного сына, Василия Игнатьевича, Василия Буслаева, Ивана Даниловича, Суровеца и Кольвана Ивановича, Сухмана Одихмантьевича, Жидовина, Ян Усмошвеца и Самсона (Саур Ванидович). Книга представляет интерес для широкого круга читателей, интересующихся древней историей России.

Содержание

Вступление	5
Глава 1	7
1. Михайло Казарянин	7
2. Михайло Данилович	10
3. Иван «Гостиный сын»	12
4. Василий Игнатьевич	15
5. Василий Буслаев	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вступление

В предыдущем томе, мы с вами уважаемый читатель разобрались с «мифологическими» биографиями и деяниями двенадцати, самых, казалось бы, самых «знаменитых древнерусских богатырей» которые в современной российской «фольклористике» (науке занимающимися исследованием народного фольклора) считаются «богатырями» первого разряда!!! и чьими именами, и «подвигами», совершенными ими во славу «Святой Руси» в России ее граждане начинают гордиться с самых юных лет.

Ибо такую «высокую честь», они якобы «заслужили» в памяти русского народа потому, что служили великому киевскому князю Владимиру Первому «Святому» (он же еще и Владимир «Красное Солнышко») и при этом активно защищали границы его владений от всяких там «половцев и печенегов»!

В связи с чем, в современной России, ряд псевдопатриотически «настроенных» ученых мужей пытающихся по-прежнему доказывать «современным россиянам»-«законную преемственность» переноса статуса общерусской столицы и атрибутов великокняжеской верховной власти с Древнего Киева, в ранее никому неизвестную Москву (изначально бывшую феодальным наделом боярина Кучки) а по сути просто большого крестьянского поселения где проживало «финно-угорское» население из числа мери и с незначительным числом «кривичей» от которых пошли современные нам «белорусы»!

Они же, поддерживают так же заведомо ложный миф о том, что «Киев-мать городов русских»! Хотя если следовать российской истории начиная от Рюрика, то первыми «русскими городами» были «Старая Ладога», а затем Новгород или «Господин Великий Новгород».

В итоге эта группа псевдопатриотически настроенных российских историков и даже в большей мере публицистов, пишущих на исторические темы, пошли в процессе сбора «искусственных доказательств» в подтверждения своих ошибочных теорий и умозаключений пошли несовместимым с научным подходом путем!

Они начали «оживление» или по православному «воскрешения» целого ряда мифологических персонажей из числа героев русских народных сказок и мифов придавая воскрешенным персонажам мнимую историчность реального существования! И это хорошо видно хотя бы на примере так называемых «старорусских богатырях» которые нашлись в «народных былинах» впервые зафиксированных в письменной форме сказителем и составителем былин Киршой Даниловым.

В действительности его звали: Кирило Данилов Никитиных) (1703–1776; Урал, Невьянский завод П. А. Демидова) – молотовой мастер Невьянского завода Демидовых, который в свободное время развлекался музыкой, сбором и обработкой русских былин, исторических, лирических песен и духовных стихов (71 текст с нотами)!

И все было бы в этих занятиях Кирши хорошо и приемлемо если бы он все это не делал путем прямой фальсификации «собранных им первичных данных»!

Ну, а далее эти сфальсифицированные образы «былинных богатырей» как «защитников СВЯТОЙ РУСИ» попали в руки уже «ученных» российских литераторов и таким путем были введены в «русскую литературу», и из которой со временем в виду востребованности «былинных героев «в российской имперской пропаганде» прибрались и в «древнерусскую историю», натянув на себя маску вполне реальных исторических лиц!

И именно с этой поры «воскрешённые из небытия» – «древнерусские богатыри» и стали активно эксплуатироваться российской политической пропагандой! Кстати во все времена и при всех, казалось бы, взаимоисключающих друг друга политических режимах.!

Особенно, это наглядно видно на примере знаменитой «богатырской троицы»-«Добрыни, Ильи и Алеша»...

Но, если вы уважаемый читатель прочли первый том этой работы, то сами убедились, как были «далеки от народа» эти самые «богатыри»!

И, что если с них снять грим и «фальшивую позолоту», то они предстают нам как законченные в своем беспределе серийными убийцами (жертвами которых становятся том числе и их жены, и родные дети), развратниками каких еще нужно поискать и в наше время, мошенниками, которые и обычно заканчивают свою жизнь в качестве горьких пьяниц или погибают в результате своих же опасных поступков как говорится вследствие нарушения безопасности правил охраны труда...

Но уважаемый читатель, дело в том, что на этими «двенадцати мифологическими персонажами» список древнерусских богатыре не заканчивается!

И в продолжение данной работы, я хочу вам предложить, новое историческое исследование всех этих вопросов, чтобы представить вам новых двенадцать, уже совершенно незаслуженно забытых современными россиянами персонажей из числа как «древнерусских богатырей» так и прочих «лихих молодцов»: **Михайла Козеринина, Михайла Даниловича, Ивана «Гостиного сына», Василия Игнатьевича, Василия Буслаева, Ивана Даниловича, Суровеца, Колывана Ивановича, Сухмана Одихмантьевича, Жидовина, Яна Усмошвеца, Самсона (Саура Ванидовича)** которые в поисках приключений, и «легкой добычи» активно промышляли во времена Киевской Руси по большим дорогам.

И таким образом сумели где, действуя своими мечами, а где и «просто кулаками», занять в «народной памяти» свою историческую нишу...

И как сам видит читатель, кандидаты» для зачисления в число «древнерусских богатырей» у нас подобрались разно племенные и от части совершенно на первый взгляд не похожие на тех «богатырей» кто были описаны в первой дюжине и поэтому я вначале разделяю их на две подгруппы: славянского происхождения и азиатского рода:

1. Славяне: Михайло Казарянин, Михайло Данилович, Иван Гостиный сын, Василий Игнатьевич, Василий Буслаев, Иван Данилович, Суровец и Колыван Иванович

2. Инородцы: Сухман Одихмантьевич, Жидовин, Ян Усмошвец, Самсон (Саур Ванидович)

Глава 1

1. Михайло Казарянин

Ну, а первым на нашу историческую сцену выступает из глубины веков кандидат на звание «древнерусского богатыря» – некто **Михайло Казарянин** (он же известен был и под именами: Козарин, Казарин, Казаринов) – один из «заезжих богатырей» киевского цикла.

Он известен из одной былины, но до нас дошло несколько десятков вариантов этой былины. Вот ссылка на одну из версий: <https://proridne.org/Українські%20билини/Михайло%20Казарянин.html>

Однако художественно полноценные варианты немногочисленны, поэтому сюжет можно отнести к малоизвестным. И поэтому я и приведу один их вариантов такой былины: <http://indbooks.in/mirror7.ru/?p=45047>

МИХАЙЛО КАЗАРЯНИН

«Не ясный сокол вылетывал, не белый кречет выпархивал – выезжал в чисто поле из Галича добрый молодец, Михайло Казарянин.

Конь под ним – словно лютый зверь: проходу, проезду не дожидает, реку в пятнадцать верст шириною за один раз перескакивает; доспехи на молодце такие, что и цены им нет: латы и панцирь из чистого серебра, кольчуга золотая, шлем ценою в три тысячи, копье в руках как свеча горит; концы на луке из красного золота, а полосы по ним булатные и тетива шелковая; в колчане у Михайлы сто пятьдесят стрел, каждой цена – пять рублей.

Снаряжается Михайло в Киев, в гости к князю Владимиру. Приезжает в Киев после вечерни, приходит в гридню княжескую прямо на почестный пир.

Не случилось тут у Владимира стольника-чашника, сам князь налил для богатыря чашу зелена вина в полтора ведра да турий рог сладкого меда в полтрети ведра.

Подносит князь вино и мед богатырю и говорит:

– Молодой Михайло Казарянин!

Сослужи-ка мне службу: съезди к морю синему, настреляй гусей, белых лебедей, налови малых серых утушек, чтобы было мне что на стол подать.

А я тебя за это пожалую своей великой милостью.

Помолясь Богу, поехал добрый молодец за добычей; послал ему Господь счастья: видимо-невидимо птиц настрелял Михайло для княжеского стола.

Уже повернул он назад своего лихого коня, как вдруг видит – стоит в поле громадный дуплистый дуб; на дубу сидит черный ворон диковинный: ноги и нос у него словно жар горят; сидит, перышки расправляет.

Вынул Михайло тутой лук, достает уже каленую стрелу из колчана, хочет застрелить черного ворона, а ворон говорит ему человеческим голосом:

– Не стреляй в меня, добрый молодец, нет для тебя во мне никакой корысти: кровь мою пить не будешь, мясо мое есть не станешь, а я сослужу тебе службу; слушай же меня хорошо-нечко: поезжай на высокую гору, посмотри с нее в чистое поле и увидишь в поле три белые шатра; скамьи в них из дорогого рыбьего зуба, а на тех скамьях сидят три татарина, прислуживает им молодая пленница, душа девица Марфа Петровна; поезжай и освободи ее из тяжкого плена.

Послушался Михайло ворона, поехал на высокую гору, увидел татарские шатры и повернул к ним коня своего.

Подъехал к шатрам Казарянин, увидел в шатрах и красную девицу, о которой сказал ему ворон: прислуживает девица поганым татарам, горячими слезами обливается.

Говорят, ей татары:

– Не плачь, красная девица!

Не тумань своих очей ясных – мы тебе зла не сделаем, увезем тебя в Орду, отдадим замуж за нашего татарина, за доброго молодца.

Разгорелось сердце в Михайле, как сокол налетел он на шатер, как вихрь повалил злых татар: одного копьем заколол, другого конем затоптал, третьего о сырую землю одним ударом убил и освободил красную девицу.

Говорит она ему:

– Что же не спрашиваешь меня, добрый молодец, об имени, о роде-племени? Я ведь родом из Волыни, из города Галича, дочь купца Марфа Петровна!

Обрадовался Михайло, услышав это.

– Душа, красная девица, – воскликнул он, – ведь ты мне сестра родная! Расскажи, как ты попала в руки злых татар поганых?

– Гуляла я под вечер в своем саду вместе с родимой матушкой; откуда ни возьмись прискакали три татарина-наездника, захватили меня, посадили на коня и увезли с собою.

Забрал Михайло все серебро и золото в татарских шатрах, посадил девицу на татарского коня, двух других коней с собой повел и поехал к Владимиру.

Низко кланяется Михайло князю Солнышку.

– Исполнил я твою службу княжескую, настрелял гусей, лебедей, малых утушек да еще убил в поле трех татар, сестру родную выручил из плена, привез добычу – серебра, золота татарского.

Принял князь подарки, щедро угостил на пиру доброго молодца, промолвил ему ласковое слово:

– Честь тебе и хвала, добрый молодец, что служишь мне, твоему князю, верой и правдою!»

Вот такая красивая сказка!

Правда тут сразу становится неясным, а откуда мол «татары» взялись на Киевской Руси во времена правления там Владимира «Красно Солнышко»??

И еще один факт. В лучший и старейший по времени записи вариант этой были есть у Кирши Данилова, но вот в таких классических сборниках русских народных былин, составленных уже учеными фольклористами: Рыбниковым и Гильфердингом былины о Михайле Козарине нет?!

Отсюда уже украинские современные фольклористы выдвинули и свою версию о происхождении М. Казарянина.

Они пишут: «Ім'я «Казарянин» могло виникнути від давньої пам'яті про хозар або від слова «**козак**» – **вільна людина**, воїн, що відповідає Михайлові як богатырю-воїну.»

Далее эти авторы утверждают, что Михаил Казарянин никогда не был «русским богатырем», ибо происходил из «Галицко-Волынского княжества», которое образовалось уже после распада «Великого Киевского княжества» времен правления там князя Владимира Первого и собственно само по себе явилось зародышем той части современной нам Украины, что сейчас принято называть «Западной Украиной» или в современном антиукраинском российском толковании «Бандерштадтом»...

Существует и отдельное мнение (версия) мнение, что былина о Михайле Казарянине составлена почти механически из двух былинных ходячих мотивов: первая часть – прибытие Михайло в Киев – повторение былины о Дюке Степановиче, вторая часть – узнавание сестры – любимый народный мотив, часто встречающийся в песнях южных и западных славян.

Ну и теперь зная всю эту историю мы вправе как бы сделать и вывод о том можно ли М. Казарянина отнести к числу «древнерусских богатырей», раз он попал в тексты «былин», составленных отцом основателем «былинного жанра» Киршой Даниловым?

И ответ будет отрицательным!

Ибо М. Казарянин никак не может быть «древнерусским богатырем».

Ведь если отпираться только на фактологию текста былины, то возможно, что некий реальный прототип Михайла Казарянина мог жить и действовать на территории Западной Украины, но все это происходило очевидно только уже после завоевания Киевской Руси войсками татаро-монгол и образования самой «Золотой Орды» куда все восточные древнерусские княжества вошли как отдельный УСЛУС» в качестве данников и вассалов ханов Золотой Орды.

Ну а «смотрящим» за остальными князьями были назначены монголами московские великие князья...

Ну и раз так, то давайте мы пойдем дальше в нашем повествовании и приступим к изучению биографии следующего кандидата на звание «русского богатыря».

2. Михайло Данилович

А тут речь у нас пойдём о некоем персонаже вошедшем в российскую историю под именем «Михайло Данилович»!

Он же богатырь, герой «киевского былинного цикла» т.е. якобы «имел службу» у киевского князя Владимира Первого «Святого»!

К тому же он еще и из богатырской семьи!

Ведь он есть сын богатыря, позднее монаха Данилы Игнатьевич.

Ну и раз это так то у нас уже имеется и первая «богатырская династия», и чтобы нам лучше разобраться в теме, то давайте и припомним, что известно о «богатыре Данила Игнатьевиче»!

Ибо как мудро говорит русская пословица «Яблоко от яблони недалеко падает...»

«Данило Игнатьевич (Данило Денисьевич) – богатырь, отец богатыря Михаила Даниловича. По мнению Б. А. Рыбакова, былинный Данила и паломник Даниил, автор «Хождения» в Иерусалим – одно и то же лицо: дипломат, писатель, калика переходный, а до ухода в монастырь – богатырь, совершивший целый ряд подвигов, сохранившихся в эпической памяти народа.

Былинный сюжет

Данило был княжеским богатырём. На пиру у князя Владимира Старый богатырь Данило сидит не весел. На вопрос князя о причине грусти он говорит, что желал бы идти в монастырь душу спасти:

Ведь жил я у ты во Киеве да шестьдесят годов,

Как сносил я у тебя во Киеве да шестьдесят боёв...

А под старость мне-ка хочется кабы душа спасти...

Да наложить на себя скиму спасеную,

А постригтися мне к Федосью-Антонию в Пещер-монастырь.

– Григорьев А. Д. Архангельские былины..., с. 202

Князь спрашивает, на кого он оставляет Киев.

Данило Игнатьевич отвечает, что за Киев будет стоять его малолетний сын Михайло Данилович.

Далее идёт рассказ о подвигах сына.

Выезжая против осадивших Киев татар, сын берёт благословение в монастыре у отца, который научает его, как достать богатырского коня, сбрую и прочее.

Не дождавись возвращения сына, Данило, беспокоясь о его судьбе, вооружается, выезжает из монастыря на поиски и встречает богатыря, которого принимает за убийцу своего сына и хочет убить.

Оказывается, что богатырь – не узанный им сын. Дело разъясняется, и Данила возвращается в монастырь.

Сюжет же былины о Михаиле Даниловиче тоже как бы повторяет вышеприведенную нами информацию о его отце. Судите сами:

«Когда состарившийся киевский богатырь Данило Игнатьевич уходит на покой в монастырь, он оставляет князю Владимиру своего 12-летнего сына Михайлу.

Вскоре к Киеву подходят татары с цариком Уланищем.

Михайло Данилович, приняв благословение от отца, выходит против них, разбивает татар и убивает их царя; возвращаясь с боя, встречает отца, который чуть не убивает его, но вовремя узнаёт. Финал в разных редакциях былины может сильно различаться.

Обычно князь Владимир встречает Михаила Даниловича «почетным пиром», но есть и варианты былины, где наш герой попадает в заточение по «ложному навету».

К этой же схеме сводится и содержание малорусских легенд о Михайлике, в которых клеветниками и оговорщиками Михайлика являются киевляне.»

Ну и вот на этих сведениях и заканчивается для нас вся доступная информация о М. Даниловиче, и мы можем вынести свой вердикт о том достоин ли Михайло Данилович считаться «древнерусским богатырем»?

И наш ответ вновь будет опять отрицательным.

Ибо Михайло Данилович ни под каким «соусом» нельзя причислить к числу богатырей, живших во времена киевского князя Владимира Первого «Святого».

А вот прототипа некоего дружинника воина киевского великого князя Михаила очевидно остался в памяти киевлян когда на территорию Киевской Руси впервые напали татаро-монголы в период времени с 1233 по 1239 года...

Далее у нас идет третий по счету кандидат в «богатыри»! Он уже в сравнении с двумя предыдущими «богатырями» как бы выглядит более крутым и говоря современным языком даже более медийно раскрученным в «исторических былинах»...

3. Иван «Гостиный сын»

Итак, нам предстоит выяснить кто такой «Иван «Гостиный сын» и почему он попал в древнерусскую историю...

И тут мы начнем с выяснения его прозвища! «Гостиный сын»?

Почему такое прозвище?

А потому уважаемый читатель, что Иван наш очевидно был просто «сыном купца»!

В российской фольклористике к имени Ивана «Гостиного» сына прикреплены в дошедших до нас тестах былинах два сюжета, из которых первый представлен только одной былиной (Гильфердинг 172 = Рыбников IV, 13), второй – семью былинами (Кирша Данилов № 7, Киреевский III стр. 1–4, Рыбников III № 34, Гильфердинг № 133, 135; Тихонравов и В. Миллер II № 55).

Былина, содержащая первый сюжет, рассказывает, что Иван был «неразумным сыном» честной вдовы Офимьи Александровны, он не слушал наставлений матери и проводил время в кабаке с «голями кабацкими»!

То есть говоря современным языком, был и сам Иван «Гостиный сын» был «хроническим алкоголиком» отмеченным или лучше сказать «отягощенным» к тому же своим «буйным характером»!

Поэтому ни о каком продолжении кучерских промыслов своего отца речь в отношении нашего Ивана уже не шла.

И тогда его мать решилась на самые крайние меры чтобы образумить и спасти сына он верной погибели!

И вот что она сделала:

Мать разыскивает сына, допрашивает о нём «голей кабацких», обещая им денег, и они выдают его ей.

Тогда она ведет его на пристань корабельную и предлагает его купить за 500 рублей купцам заморским в качестве «холопа».

Н присутствующий же при этой сделке сам И. Гостиный просит купцов не пожалеть дать за него и 1000 руб., чтобы было чем жить его матушке, затем прощается с нею со слезами, прибавляя, впрочем, что **«по писаному она была ему родная матушка, а по житью-бытью змея лютая»...**

На этом былина обрывается...

А очень жаль, ибо перед нами очевидно развернулась бы «небывалая семейная драма», достойная пера У. Шекспира или хотя бы Н. Островского... ну и на худой конец, чем не сценарий для ток-шоу А. Малахова – «родная мать продала сына в рабство...»

Что же касается «Былины» то развивающийся в ней второй сюжет, открываются обычным пиром у князя Владимира в Киеве.

Князь вызывает охотников состязаться в скачке на расстоянии между Киевом и Черниговом, которое нужно проскакать между обедней и заутреней!

Задание ну явно фантастическое и заведомо невыполнимое, даже в наше время!

При наличии широкой сети первоклассных автомобильных дорог!

Состязаться нужно с тремя княжескими жеребцами синегривым, половогривым и воронком, добытым Ильей Муромцем от Тугарина Змеевича.

Из присутствующих на пиру вызывается один Иван Гостиный сын, закладывая свою буйную голову.

Затем он идёт в конюшню, падает в ноги своему коню бурушке-косматочке и просит его не выдать.

Конь человеческим голосом говорит, что первый жеребец князя Владимира ему меньшей, второй – средний брат, а с третьим, вороным, он равен по силе, но обгонит и его, если Иван будет его, бурушку, поить медвяной сытой и кормить сорочинским пшеном.

Когда за Иваном пришёл посол от Владимира, Иван надел шубу соболиную и повел на шелковом поводе своего бурка на княжеский двор.

Тут бурко стал передом ходить, рывкать по-туриному, выхватывать копытом по соболю из шубы Ивана и так напугал коней князя, что они разбежались.

Испугались также все бояре и князь, который, отказываясь от состязанья, просит Ивана увести поскорей прочь своего коня.

Таким образом Иван выиграл заклад, и владыка черниговский, один ручавшийся за него, велит захватить в залог корабли с заморскими товарами на Днепре, прибавляя, что «князья и бояре никуда от нас не уйдут».

Былины об Иване Гостином сыне носят яркие следы северного и позднего происхождения и были сложены, по-видимому, в новгородских областях.

Они известны, судя по записям, только в Олонецкой губернии, в Новгородской и в Сибири. Имя эпического князя Владимира и прикрепление места действия второй былины к Киеву могли быть внесены по готовому шаблону.

О позднем происхождении былины свидетельствует жалкая роль князя Владимира, который, по одному варианту, бьет Ивану челом до земли.

В былине Гильфердинга № 307, где Иван назван Гоудиновичем, роль Владимира в Киеве передана Ивану Васильевичу, который называется не царем, а князем.

К новгородским чертам былины могут быть отнесены:

- 1) купецкое происхождение героя;
- 2) присутствие гостей корабельщиков и купецких людей на пиру у князя;
- 3) конь И. Гостиного, купленный им за морем с уплатой пошлины (Гильферд. № 307. Известно приобретение новгородцами лучших пород коней с Запада);
- 4) самостоятельная роль владыки черниговского, напоминающая положение и значение владыки в Новгороде;
- 5) продажа матерью сына в пристани именно заморским купцам.

Некоторые соображения о типе И. Гостиного были высказаны П. А. Бессоновым («Песни», собр. П. В. Киреевским, вып. III, стр. XXVII и сл.), О. Ф. Миллером («Илья Муромец», стр. 379–386), но подробный разбор былин о нём принадлежит акад. А. Н. Веселовскому (см. «Южнорусские былины», IV).

Исходя из предположения, что дошедшие до нас былины об И. Гостином представляют отрывки цельного цикла об этом лице, А. Н. Веселовский старается восстановить схему этого «Жития» Ивана «Гостинного сына» и приходит к выводу, что **основной этой былины была былина о Ваньке «Удовкине сыне»**, которая в свою очередь была создана неизвестным нам автором путем переработки старофранцузского романа об Ираклии (Eracles), написанном в XII в. Gautier из Арраса.

В основе последнего романа, по предположению А. Н. Веселовского, лежит византийское, не дошедшее до нас сказание!

Не утверждая, чтобы источником наших былин об И. Гостином сыне был именно подлинник Ираклии, А. Н. Веселовский удовлетворяется гипотезой, что этот подлинник был близок к тому подлиннику (стр. 66).

Вот такое «житие» у нашего Ивана «Гостиного сына»! Ничем он как богатырь за свою жизнь не отличился. Спектакль заигранный им с помощью то ли воеводы то ли князя Черниговского можно отнести к заведомо мифологическому сюжету!

А отсюда мы вправе и высказать и свою версию, что никогда никакого Ивана «Гостиного сына» ни в Киевской Руси, ни в Московской Руси не существовало.

Ибо эта мифологическая фигура есть порождение фантазии неких древнерусских книжных мудрецов, которые позаимствовав сюжет византийского сказания о воине Ираклии, породили на свет Божий «Миф о богатыре Иване «Гостином сыне» который никогда не существовал даже в состоянии реального прототипа ни в Киевской ни в Московской Руси.....

4. Василий Игнатьевич

Закончив с мифическим «Иваном «Гостиным сыном» мы теперь по ходу нашего исторического расследования вторгаемся в еще одну совершенно запертую для непосвященных страницу российской истории.

Ибо в ней пойдет речь о «двух русских богатырях» которых звали «Василиями»

И тут надо сказать, что есть такая замечательная книга "Древняя Русь в лицах боги, герои, люди" Б. Путилов – СПб, Азбука, 1999. http://sueverija.narod.ru/Slovar/Vasilii_Ignanmtvich/Vasilii_Ignanmtvich.htm и там есть и информация о «богатыре Василии Игнатьевиче» он же более известен как (Васька Пьяница)!

А это первый из двух русских богатырей которых звали Василиями!

И вот что Б. Путилов пишет о своем герое:

«В отличие от Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича, которые действуют во многих былинах и существуют как бы на всем протяжении эпической истории, Василий Игнатьевич появляется лишь однажды в былинне, посвященной его подвигу.

О значительности этого подвига говорит записка былины, единственная во всем русском эпосе. Туры, отставшие от матери-турицы, видят чудо под Киевом и рассказывают о нем:

– Ай же ты турица, наша матушка!
Ай были мы, туры, да во чистом поли,
А случилось нам, турам.
да мимо Киев-град идти,
Ай видели над Киевом чудным-чудно,
Ай видели над Киевом дивным-дивно:
А по той стены по городовой
Ходит-то девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не столько читает, да вдвое плачет.

Говорит-то ведь турица, родна матушка:

– Ай же вы туры да малы детушки!
Ай не девица плачет —
да стена плачет,
Ай стена та плачет городовая,
А она ведает невзгодушку над Киевом,
Ай она ведает невзгодушку великую.

По другой версии, плачет Богородица, читая в книге грозное предсказание Киеву. Предсказание скоро исполняется: татарские полчища осадили город.

От того нонь от пару лошадиного
А поблекло-померкло красно солнышко,
От того где-ка духу-то татарского
Потемнела ведь луна да вся небесная.

Кудреванко-царь предъявляет ультиматум – сдать город. Иначе ...дак я боем возьму.

Я соборны больши церкви
да все на дым спушу,
Я печатны больши книги
во грязи стопчу,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму.

Владимир собирает пир, чтобы получить совет – кто бы мог выехать в поле, разведать вражескую силу. Однако охотников не находится:

Уже меньший хоронится за среднего,
Уж как средний хоронится за большего,
А уж от большего ответу нет.

Сходная ситуация описывалась в былине «Илья Муромец и Калин-царь»: там было некому защитить город кроме Ильи, который сидел в темнице, и Владимир вынужден был идти просить богатыря о помощи.

Теперь в качестве единственного возможного спасителя Владимиру указывают на некоего «Ваську Пьяницу».

Владимир, набросив «кунью шубоньку» на плечо, спешит в кабак, с трудом будит Ваську. Тот признается, что с перепоя у него болит голова и «ноет ретиво сердце».

Князь дает ему опохмелиться и зовет к себе «на почестен пир».

Теперь выясняется, что Васька пропил кабатчику все: одежду, коня, сбрую, снаряжение и оружие – саблю, копьё, лук со стрелами и палицу.

Владимир выкупает все это, и перед князем предстает богатырь, готовый к подвигу.

Далее события излагаются по-разному в вариантах былины.

По одной версии, Владимир приводит Василия во дворец, сажает на почетное место и тем вызывает возмущение бояр, они оскорбляют его, а Владимир не может за него заступиться. Возмущенный Васька уезжает в поле и вступает в союз с татарами!

(И далее идет вот такой сумасшедше фантастический сюжет! – автор)

Вместе они захватывают Киев и начинают делить богатства.

При этом Ваське не достается ничего, и он вступает в сражение с татарами и побивает их всех.

По другой версии, Василий лишь притворно соглашается перейти на сторону татар и, получая от царя часть войска, тут же уничтожает его (в каждой части войска – по сорок тысяч).

В конце концов царь, оставшись без войска, бежит со словами:

Не дай Боже, не дай Бог
да не дай детям моим.
Не дай детям моим
да моим внучатам
А во Киеве бывать
да ведь Киева видать!

В образе Васьки Пьяницы отчетливо просматриваются пародийные черты: ситуации с ним как бы повторяют ситуации с Ильей Муромцем, но – в вывернутом, иногда смешном, виде.

Кабак соответствует темнице; Илья заточен – Васька не может выйти, так как все его имущество заложено кабатчику; торжественным сборам Ильи в поход соответствует почти комическая сцена опохмеления и выкупа его вещей князем.

«Вывернут» и один из центральных эпизодов: Илья с гневом отвергает предложение татар перейти на их сторону – Васька сам готов перейти к ним, но этот переход оборачивается для татар бедой.

Но лично меня в этом сюжете удивило то «резюме», которое сделал Б. Путилов о «Ваське Пьянице! Это по моему личному мнению ярчайшее свидетельство современной фальсификации смысла «древнерусских былин»!!

«Былина о Василии Игнатьевиче свидетельствует о высокой поэтической культуре Древней Руси, о тонком понимании юмора людьми того времени, об умении использовать непростой прием пародии, соединить в одно целое героическое и смешное...»

Но это мнение автора вышеуказанной книги.

А я далее хочу развить этот сюжет далее, тем более что у нас следующим кандидатом в «богатыри» идет некто, под именем «Василий Буслаев».

Это уже сложный персонаж московского фольклора, заимствованный москвичам их истории древнего Новгорода!

Ну и раз так давайте, и мы подойдем к изучению личности Василия Буслаева основательно. Для чего я хочу поделиться с вами уважаемый читатель небольшой информация из статьи взятой автором в Энциклопедия Брокгауза и Ефрона

«Василий», в русском эпосе – имя, очень часто встречающееся в русских былинах и народных повестях; к былинным богатырям принадлежат: В. Казимирович, В. Окулевич, В. Игнатьевич, В. Долгополый, В. Заморский, В. Иванович, В. Сурывлевич Боголюбович, В. Царевич, В. Пьяница и главнейший из них всех – В. Буслаевич.

О первом из них подробнее других говорит Стасов ("Происхождение русских былин", в "Вестн. Европы" 1860). В. Казимирович является в былинах, посвященных Добрыне; в них, по повелению Владимира, Добрыня, вместе с братом своим Иваном Дубровичем и В. Казимировичем, посылается в Орду.

Здесь В. Казимирович представляется довольно странным лицом, так как он не участвует ни в каких подвигах, а только распоряжается всей поездкой. К нему обращается Владимир, ему поручает везти дань, и только потом он сам выбирает себе товарищей; в Орде он тоже постоянно выступает на первый план, и он же унимает молодецкую удаль Добрыни и Ивана.

Вследствие всего этого Стасов сравнивает эту былинку с эпизодом Рамааны, а В. Казимировича с отшельником и наставником Рамаи и Лакгимана Висвамитрой.

Хомяков в В. Казимировиче видел тип дьяка, грамотея; это воззрение находит подтверждение в том, что он одет всегда в одежду с длинными полами, отчего и называется иногда "Васька Долгополый".

В. Казимирович является в другой раз в былинах, когда вместе с Дунаем едет за невестой для Владимира: здесь он является уже в другой роли, простого помощника, паробка в отношении к Дунаю. Равный другим богатырям является В. Казимирович, когда он посылается князем оценить имение Дюково; но снова в другой былине его обижают смешением с В. Пьяницей.

Васька Долгополый, вероятно, тождественный с В. Казимировичем, является в былинах очень редко: раз он упоминается в числе богатырей, стоявших с Ильей на заставе, и во второй раз – когда богатыри хотели его послать сражаться с Жидовином. – В. Заморский в одной былине у Рыбникова сопровождает Ивана Годиновича, сватающегося за Настасью. – В. Иванович, вместе с братом Федором, должен добыть невесту для Владимира, но они о сватовстве вовсе и не думают (Рыбн. III, 3). – В. Окулевич, царь Цареградский, для которого увозится жена чужая – Соломонова, царица Саламания, является героем былины, переделанной из апо-

крифической повести о Соломоне и Китоврасе; в другом же прозаическом рассказе о поездке Ильи царьградский император носит имя В. Сурывлевич-Боголюбович.

В. царевич в былинах о Ставре прямо называет этого богатыря "гусельником из ихней страны Ляховецкой", и таким образом представляется и сам в роли «ляховецкого» князя.

В. Игнатъевич, он же Василий Пьяница – герой былины, в которой рассказывается, что он провинился перед татарами, осаждавшими Киев, и они потребовали его выдачи; тогда он совершает большой подвиг и выручает город от врагов.

Так как мы здесь находим странное сопоставление пьянства с богатырскими подвигами, то на этот пункт обратил внимание А. Н. Веселовский и объяснил это явление таким образом. Общеизвестно было в духовной литературе "Слово Василия Великого о пьянстве", где выводится сама Богородица, осуждающая этот порок; переделыватель же легенды вообразил себе, что сам Василий Великий предавался пьянству, что к нему явилась Богородица, побуждающая его оставить хмельное питье.

Таким образом явился тип пьяницы, отличавшегося потом подвигами добра; из духовного стиха тип перешел в былинку, только здесь благочестивые подвиги были заменены богатырскими.

В дальнейшем своем развитии В. Пьяница примкнул к богатырю Семилетку и стал смешиваться с Михайлином и Ермаком, а с другой стороны – порок пьянства был перенесен и на других богатырей.

Самым знаменитым из всех богатырей, носящих имя Василий, является В. Буслаев, герой новгородский, представляющий собою идеал молодецкой безграничной удали.

Для Васьки нет никаких стеснений; он всегда делает так, как ему вздумается, не обращая внимания на то, приносят ли его поступки кому вред или нет.

Он уже в самые юные годы ходит по городу и забавляется отрыванием рук, ног и даже голов у своих сограждан; собрав большую дружину из таких же сорвиголов, как он сам, он буйствует все более и более, и только мать его имеет над ним хотя тень власти.

Наконец, подзадоренный на пиру, он бьется об заклад, что будет биться на Волховском мосту со всеми новгородскими мужиками, и он избил бы всех своих противников до единого, если бы не вмешалась в дело его мать.

На старости лет, чувствуя, что его спасение немножко поколеблено, он хочет купить себе прощение грехов и отправляется в Иерусалим; но и там, в Святых местах, он остался прежним буйном и, наконец, сам навлекает на себя смертное наказание.

Тип В. Буслаева очень мало разработан в научной литературе; большинство историков литературы высказались в пользу оригинальности этого типа, считая его олицетворением могущества самого Новгорода, тогда как Садко служит олицетворением его богатства; некоторые усматривают сходство между В. и нормандскими пиратами, но не разбирают причин этого сходства.

В повествовательной литературе герои нескольких романов носят имя В.; так, мы имеем "Гисторию о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли"; сюжет его заимствован из средневековых рыцарских романов, но пропитан сентиментальным духом конца XVII и начала XVIII в. Калики, воспевающие чудеса св. Николая, повторяют стих о В. Агриковом сыне.

Стих этот совершенно сходен со сказанием следующего содержания: некто Агрик имел сына Василия; он его однажды послал в церковь, которую немедленно после этого окружили сарацины и взяли В. в плен; по прошествии нескольких лет, вследствие молитвы Агрика св. Николаю, В. чудесным образом был перенесен из Крита в Антиохию в дом отца.

Существует, наконец, повесть "О Василии, королевиче златовласом чешской земли"; рукопись ее находится в Императ. Публичной библиотеке, а издана она И. А. Шляпкиным в "Памятниках древней письменности и искусств" (СПб., 1882).

Эта повесть является литературной обработкой народной сказки об усмирении гордой невесты, глумящейся над своим женихом; сказка распространена по всей Европе и в России носит заглавие: "О хитрой деве".

Повесть, по мнению А. Н. Веселовского, пришла из Западной Европы в Россию через Польшу.

http://sueverija.narod.ru/Slovar/Vasilii_Ignanmtvich/Vasilii_Ignanmtvich.htm#Древняя_Русь_в_лицах_боги,_герои,_люди_Б._Путилов_-_СПб,_Азбука,_1999

Ну, а теперь, когда вы уважаемый читатель, уже подготовленный к постижению новой порции информации я и приступаю к изложению «Жития» очередного и очень раскрученного в мультимедийной версии истории России кандидате в древнерусские богатыри Василии Буслаеве!

5. Василий Буслаев

Василий Буслаев – герой новгородского былинного эпоса.

По данным С. А. Азбелева, насчитывающего 53 сюжета героических былин, Василий Буслаев является главным героем трёх из них (№ 40, 41 и 42 по составленному Азбелевым указателю):

«Василий Буслаев и новгородцы», «Поездка Василия Буслаева» или «Смерть Василия Буслаева». Два последних названия относятся к одной и той же былине.

В. А. Брим в 1926 году показал, что былина о Василии Буслаеве оказала влияние на исландскую сагу о смелом викинге Боси (в двух редакциях сага называется «Bósa-saga», в одной – «Bósa-rímur»). <http://indbooks.in/mirror7.ru/?p=45047>

И вот сам текст былины! Я ее предаю как есть, но вот далее я хочу предложить читателю этот же адаптированный под современные реалии текст!

И это как я надеюсь поможет вам уважаемый читатель сразу понять кем был в свое время В. Буслаев.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

«Жил-был в Новгороде Великом господине посадский по имени Буслай; до девяноста лет уже дожил он тихо и мирно: не заводил ссор со Псковом, ладил и с матушкой Москвой, и в Новгороде все любили и уважали его.

Жил Буслай, не старился, да ведь не два века жить на белом свете!

Пришла смерть и к Буслаю

Оставил он по себе вдову да единственного сына, Васильюшку. Буслаева вдова была женщина опытная и разумная: стала она воспитывать Васильюшку в страхе Божьем, научила его письму, чтению церковному, и так хорошо читал и пел Василий в церкви, что народ, бывало, слушает, не наслушается, толпой сбегается в соборный храм.

Выучился понемногу Васильюшка и ратному делу и почуял в себе великую, неслыханную силушку; не дает Василью покоя его силушка: так вот и толкает его на борьбу, на драку – испробовать удаль молодецкую, удачу богатырскую.

Стал Васильюшка по новгородским улицам погуливать, нехорошие шуточки пошучивать: кого возьмет за руку – тому руку оторвет, кого схватит за ногу – тот без ноги останется, кто на ногах стоял – тот сидья сидит, а кто сидел – тот лежмя лежит.

Говорят, новгородцы:

– Уймись, Васильюшка, этак ты весь Волхов закидаешь убитыми телами, да и своей головы тебе не сносить!

Услышав это, пошел Василий домой, закручинился. Встречает его родимая матушка, Авдотья Васильевна, и спрашивает:

– Отчего, Васильюшка, ты невесел домой вернулся? Кто тебя не обидел ли на улице?

– Никто меня, родная, не обидел – нет такого человека, который был бы мне равен силою; но грозят мне жители новгородские расплатиться со мною за своих убитых.

«– Брось, милый сын, свои недобрые шутки», – говорит Авдотья Васильевна, – да набери себе храбрую дружинишку, чтобы было кому постоять за тебя, если захотят твои враги переведаться с тобою.

Послушался Василий материнского совета, сел на ременный стул, принялся писать записочки; каждую записочку привязывал к стреле каленой, расстрелял по разным улицам все свои стрелы.

А в записочках было написано: «Зовет Василий жителей новгородских к себе на почестный пир: кто хочет сладко пить, есть даровое, носить цветное платье – тот иди к Буслаеву на широкий двор».

Как пошли жители по улицам от вечерней службы, подобрали записки, прочитали их, и все почти собрались на Буслаев двор; всем хочется дарового сладкого угощения – идут толпа за толпой.

На дворе стоит чаша зелена вина в полтора ведра

Говорит Василий:

– Кто поднимет эту чару одной рукой, выпьет за один раз – того возьму к себе в дружинку.

«– Ну, Василий», – говорят новгородцы, – пришли мы теперь к тебе в гости, все твое кушанье съедим, все твое вино припьем, цветное платье все поизносим, золотую казну порастаскаем.

Не понравились Василью такие дерзкие речи, выскочил он на широкий двор, схватил дубовую палку, стал по двору похаживать и палкой помахать: махнет направо – лягут побитые целой улицей, махнет налево – ложатся переулком; словно градом набило на землю новгородских жителей.

Видит тут Василий Буслаев – идет к нему в гости Костя Новоторжанин – подходит Костя к чаре зелена вина, берет чару одной рукой, выпивает ее за единый раз.

Выскочил Василий из сеней да как ударит Костю своей дубинкой со всего размаха: стоит Костя, с места не тронется, на голове кудри не шелохнутся.

«– Будь моим дружинником», – сказал ему Буслаев, увидав его силу и мужество, – войди в мои палаты белокаменные.

Пришел за Костей вслед Потанюшка Хроменький, взял чару одной рукой, выпил единым духом, так же как Костя выдержал – не шелохнулся под ударом Буслаевой дубинушки, и его Василий позвал в свою дружину.

Принял к себе Василий и Фомушку Горбатенького и порешил, что с такими товарищами ему больше некого бояться во всем Новгороде.

Была в Великом Новгороде община Никольщина.

Собрались однажды братчики все вместе пир пировать: каждый давал старосте свою долю денег, а старосты на те деньги устроили пир.

Собралось на тот пир много князей, бояр, удалых добрых молодцев; не позвали только Василия с дружиною.

Тогда пришел он на пир незванный, непрошенный, привел с собой и свою дружинку. Спрашивает:

– Почем следует с брата?

Отвечают братчики нехотя:

– Званому-то гостю хлеб да соль, а незваному и места нет.

Однако Василий заплатил им по пяти рублей за своих товарищей, а за себя самого пятьдесят рублей дал и говорит им:

– Званным-то гостям почетные места отведены, а незванным надо устраиваться, как Бог пошлет!

Идет Василий с дружиной, никого о дороге не спрашивает; левой ногой вступили они в горницу, а правой прямо шагнули к большому столу в красный угол, на самое лучшее место; стал Василий правой рукой народ раздвигать: кто на скамье сидел – в угол попал, а из угла его к сеням оттеснили, а оттуда иной и за дверь угодил, и поднялась тут теснота и давка.

Кричит Василий:

– Хотите со мной побиться о великий заклад? **Буду я с вами бороться: если одолею вас – заплатите мне денег по три тысячи, а если меня одолеете, повалите хоть до моста, хоть на мосту – отдам вам свою буйную голову.**

– **Что ж, мы готовы бороться с тобой, – отвечают новгородцы, – только будем уж всем народом биться с тобой, Василий Буслаев!**

И сделали запись об этом великом закладе.

Как проведала о том, что Василий надумал, родная матушка его, Авдотья Васильевна, со страху сердце у ней так и упало:

– **Убьют, убьют новгородцы моего милого сына!**

Заперла Авдотья Васильевна сына своего дома, дверь закрыла крепкими замками железными, отобрала у него все оружие, сама насыпала полную чару красного золота, а другую чистого серебра, а третью скатного жемчуга, пошла поклониться новгородскому князю, просить помиловать ее любезного сына.

Говорит новгородский князь:

– **Ничего не могу для тебя сделать, честная вдова, уже у нас записи сделаны о великом закладе, что держит твой сын; тогда прощу Василия, как голову с него снимут!**

Пошла домой Авдотья Васильевна, заплакала горько, все дары свои по земле рассыпала.

– Не дороги мне ни жемчуг, ни золото, дорога победная головушка родимого сына Васильюшки!

Поутру собрались на мосту новгородцы; народу видимо-невидимо, а Василий спит себе за железными запорами, позабыл, какая беда ждет его.

Выскочил тут Фомушка Горбатенький; один пошел против всех новгородцев, перебил силы пятьсот человек; пришел ему на смену Потанюшка Хроменький, а за ним Костя Новоторжанин, перебили силы видимо-невидимо; только стали уставать добрые молодцы, а много еще против них новгородцев – все приходят новые и новые: нет конца борьбе.

В это время мыла на Волхове цветные платья служанка Василия, девушка Черनावушка; кричит ей Васильева дружина:

– Девушка Черनावушка! Не дай нам погибнуть понапрасну, позови к нам Василия на помощь!

Стала Черनावушка к дому Васильеву пробиваться: уложила на месте новгородцев пятьсот человек, разбудила доброго молодца, отворила замки железные, вышел Василий к мосту, говорит своей дружине:

– **Храбрая моя дружинишка, подите вы теперь отдохните, я и без вас тут управлюсь.**

Стал Василий по мосту похаживать, стал дубинкой помахивать, набил словно градом новгородских жителей и все не унимается; пришла беда на новгородских жителей, сам воевода с посадником пошли к Авдотье Васильевне, кланяются ей в пояс, просят, чтоб уняла она своего любезного сына, не то перебьет Василий весь Новгород

Отвечает им честная вдова:

– Не могу я ничего сделать для вас теперь; сердит на меня мой милый сын за то, что заперла я его железными замками, спрятала его оружие. Пойдите поклонитесь его крестовому батюшке, старчищу Питиримищу, может быть, послушает его Василий, уймет свое сердце.

Выслушал старчище Питиримище просьбу новгородцев, надел шапку-колокол весом в девяносто пуд, языком колокольным, как дубинкой, подпирается, вышел унимать своего крестового сына.

– **Слушай меня, милое мое чадо: уймись до поры до времени; всей воды тебе из Волхова не вычерпать, не перебить тебе всего Новгорода, да и меня уважь, своего крестного, не наступай на меня с дубиной!**

– А для чего ты, крестный, не вовремя мне под руку попадаешься? Не шутки ведь я шучу: буйную свою голову отстаиваю!

Поднял Василий свою дубинушку в девяносто пуд да как ударит по колоколу: разбил колокол вдребезги, а еще раз ударил – и дух вон вышиб из крестового батюшки.

Тогда сам князь новгородский пошел к Авдотье Васильевне, поклонился ей великими дарами, упросил, умолил ее заступиться за новгородцев.

Надела Авдотья Васильевна смирную черную одежду, надела шубку соболью, пошла на мост, зашла Авдотья Васильевна сзади милого сына, положила ему руки на плечи:

– Милый сын! Уйми свое ретивое сердце; просят у тебя новгородцы прощения за свои великие вины.

Остановился тут Буслаев:

– Родимая матушка! Хорошо ты сделала, что зашла сзади меня, а не то убил бы я и тебя, как своего крестового батюшку: разыгралось мое ретивое сердце, расходились сильные руки... Только ради твоей просьбы помилую я новгородцев, отпущу их великие вины.

И ушел Васильюшка с места побоища, увел с собой и свою храбрую дружину.

1. СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВИЧА

Пораздумался однажды Васильюшка над своей участью:

– Много я попиروвал, удаль свою потешил, много загубил душ христианских; пора мне подумать и о своей душеньке грешной, пора замолить свои тяжкие грехи.

Созвал Василий свою храбрую дружинушку, и надумали они все вместе поехать в град Господень, Иерусалим, чтобы у Гроба Господня замолить свои грехи.

Пошел Василий к родимой матушке взять у ней благословенье на дорогу.

Говорит ему Авдотья Васильевна:

– **Сын мой милый, не дурное ли ты на уме держишь: не собираешься ли завести новую ссору? Если вправду хочешь ты ехать грехи замаливать, дам тебе свое благословение, а если дурное у тебя на уме – пусть лучше не носит тебя мать-земля сырая. Запомни еще, что я тебе скажу, Васильюшка: как будешь купаться в Иордани-реке, не купайся нагим телом, Бог тебя накажет за это – вспомни, что сам Иисус Христос купался в Иордане.**

Снарядил Василий свои белопарусные кораблики и поехал по Ильмену-озеру, свернул на Волгу-матушку; едет день, другой, встречается купеческий корабль, нагруженный богатыми заморскими товарами.

Спрашивают купцы дружинушку Буслаева:

– Куда путь держите, за делом или так погулять по морю, с кем-нибудь удалью перевестись

«– Не гулять едем по морю», – говорит Василий, – едем в Святой Град грехи свои тяжкие замаливать; не знаете ли вы прямого пути в Святую землю?

Отвечают купцы:

– Не проехать вам, добрые молодцы, прямоезжей дорогой, стоит на ней заставой целый разбойничий стан. А поезжайте вы дорожкой окольной, хотя и надо ехать по ней целые полтора года.

«– Стыдно мне», – говорит Буслаев, – ездить окольными дорожками, поедем прямым путем!

Доехали они до заставы; испугались разбойники, увидав Васильеву дружину.

– Беда нам пришла: ведь это сам Василий Буслаевич жалуется к нам со своей дружиной!

Приняли их разбойники очень радушно, хлеб-соль поднесли да дары богатые, дали им и надежного человека, который проводил бы их до Иерусалима.

Приехал Василий в Святой Град, отслужил панихиду по отцу своему, Буслаеву, поклонился Гробу Господню, а потом пошли все купаться в Иордане.

И позабыл Василий завет своей матушки, выкупался в святой реке нагим телом.

На Фавор-горе увидел Василий с дружиной соборную церковь с двенадцатью престолами, а стоит она на том месте, где преобразился сам Спаситель.

Недалеко от церкви на обратном пути увидели они на земле в пыли кость богатырскую. Стал Василий толкать ногой кость, шелковой плеткой ее похлестывать.

– Чья это тут кость валяется? Татарина-басурманина или христианина-богомольца?

И слышит Василий – говорит ему кость человеческим голосом:

– Что толкаешь меня ногами, добрый молодец?

Ведь я при жизни был добрым христианином, принял смерть напрасную... Где теперь лежу – там и ты сложишь свою головушку, не доедешь и до церкви соборной.

Не испугался Василий.

– Не верю я ни в чох, ни в сон.

Повернул Василий к соборной церкви, а перед церковью лежит белый камень, на нем надпись:

«Кто перескочит через этот камень три раза, тот попадет в соборную церковь, а кто не перескочит – тому и в церкви не бывать!»

И вся дружинushка Васильева перескочила через камень; стал Василий сам перескакивать: два раза перескочил через камень, а на третий захотелось ему свою удасть попытать, показать себя.

– Не только передом – я и задом перескочу через камень.

Стал Василий задом через камень перескакивать и задел за камень правой ногою, головой о камень ударился, тут ему и конец пришел: чувствует Василий, что смерть его близка, созвал свою дружину и говорит ей

– Поезжайте домой, добрые молодцы, свезите поклон моей родимой матушке; скажите ей, что прошу я ее помолиться за мою грешную душу, скажите ей: сосватался сын ее любимый на Фавор-горе, женился на белом горячем камне.

Умер Василий тут же, на горе, и схоронила его дружинushка; поехали они домой невеселые...

А Авдотья Васильевна вышла встречать милого сына, ясного сокола.

– Нет с нами твоего сына, Авдотья Васильевна! Сосватался он на Фавор-горе, женился на горячем белом камне.

Горько заплакала Авдотья Васильевна.

– Как буду жить теперь без милого сына Васильюшки? Не мил мне белый свет!

Раздала она свое имение по церквам да убогим людям, а сама ушла в монастырь замаливать грехи любезного сына, Васильюшки; проводила ее дружина Васильева с хлебом-солью; низко поклонились добрые молодцы Авдотье Васильевне, благодарили ее за ее к ним милость да ласку, просили ее помолиться и за их грешные душеньки...»

Вот такая красивая сказка!

Но уважаемый читатель сами себя спросите!

Что в ней героического?

И можно ли считать местного «новгородского злостного хулигана и пьяницу» Василия Буслаева древнерусским былинным богатырем?

Но оказывается можно! Когда это нужно для псевдопатриотической пропаганды, так получилось и с Василием Буслаевым.

Образ Василия Буслаева в былинах

«Василий Буслаев – новгородский герой, представляющий собой идеал молодецкой безграничной удали.

Это самый знаменитый из персонажей фольклора, носящих имя Василий.

Первый из посвящённых Василию Буслаеву былинных сюжетов рассказывает о его конфликте с городской общиной.

С юных лет для Васьки нет никаких стеснений; он всегда делает так, как ему вздумается, не обращая внимания на тот вред, который приносят его поступки.

Настроив против себя большинство новгородцев, он собирает дружину из таких же сорвиголов, как он сам, и буйствует всё более и более; только мать его имеет над ним хотя бы тень власти.

Наконец, подзадоренный на пиру, Василий бьётся об заклад, что будет биться во главе своей дружины на Волховском мосту со всеми новгородскими мужиками.

Бой начинается, и угроза Василия избить всех противников до единого близка к осуществлению; только вмешательство матери Василия спасает новгородцев.

Второй из посвящённых Василию Буслаеву былинных сюжетов изображает этого героя уже не юношей, но зрелым человеком.

Чувствуя тяжесть своих грехов, Василий отправляется их замаливать в Иерусалим.

Но паломничество к Святым местам не меняет характер героя: он демонстративно нарушает все запреты и на обратном пути гибнет самым нелепым образом, пытаясь доказать своё молодечество.

Тип Василия Буслаева был мало разработан в дореволюционной научной литературе. Большинство исследователей высказались в пользу оригинальности этого типа, считая его олицетворением могущества самого Новгорода, тогда как Садко служит олицетворением его богатства!»

Ну а теперь, когда на ваши уши уважаемый читатель псевдопатриотический настроенные современные российские писатели и пропагандисты навешали вам сладкой лапши. Нам самое время прочитать эту же информацию с переложением ее на современный язык:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.